

Обсуждаются проблемы, связанные с интерпретацией города как дома. Тема интерьера увязывается с исторической памятью, устойчивостью городской жизни. Поднимаются вопросы иркутской и сибирской идентичности. Предлагаются пути организации монументально-декоративного оформления Иркутска.

Ключевые слова: архитектура; интерьер города; функциональное зонирование; «Иркутские кварталы»; 130-й квартал; деревянная архитектура; историческая застройка; историческая память; скульптура. /

The discussion is focused on interpretation of the city as home. The interior of the city is related to historical memory and sustainability of city life. The Irkutsk and Siberian identities are discussed. The participants of the discussion propose the ways to arrange the monumental decoration of Irkutsk.

Keywords: architecture; interior of the city; functional zoning; "Irkutsk Quarters"; Quarter 130; wooden architecture; historical development; historical memory; sculpture.

Интерьер города Дискуссионный клуб ПБ /

В марте 2018 года в Доме архитектора состоялся традиционный дискуссионный клуб. Участники обсуждали тему номера – «Интерьер города».

В обсуждении участвовали: начальник Управления культуры и туризма администрации г. Иркутска Виталий Барышников; архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин; доктор архитектуры, доктор исторических наук, профессор ИРНИТУ, Марк Меерович; кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета, член Союза журналистов Марина Ткачева; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, научный руководитель лаборатории архитектурного наследия ИРНИТУ доцент Алексей Чертилов.

Елена Григорьева Тема номера – «Интерьер города». Мы с Константином Львовичем пробовали найти какие-то аналогии между интерьером дома и города, но аналогии временами «проседают»: площадь графа Сперанского – вроде бы гостиная, а в праздники превращается в детскую с елкой и даже в концертный зал. Когда Денис Мацуев приезжает и в День города играет на рояле, его одновременно слушают от 5 до 20 тыс. зрителей (разные СМИ приводят разное количество). Тем не менее, какие-то аналогии города с домом есть. И характеристики, которые мы употребляем по отношению к своему дому, актуальны и для города. Каким должен быть наш дом: удобным для всех живущих, безопасным; в нем должен быть порядок? Или, наоборот, художественный беспорядок? Для дома важно проявление индивидуальности хозяев, тех, кто там живет: интересно бывать в тех домах, где ты видишь душу, существо хозяев в интерьере. Важна чистота. По этому поводу у меня есть свежие воспоминания о городе Суздаль. Мы специально встали рано утром, чтобы прогуляться по пустому городу и увидели, как хозяйка с порошком моет тротуар. Давно известно, что немецкие хозяйки этим занимаются, теперь и российские тоже; как не порадоваться! Мусор, мусороудаление, повторное использование мусора – это тоже актуально и для дома, и для города. Думая о функции для Иерусалимской лестницы, проектировщики предложили сбор елок после новогодних празд-

ников; одновременно воспитательская и хозяйственная процедура. Елки собирают для подстилок животным, для корма животных; когда дети несут свою елку, они одновременно воспитываются. Питомцы в доме, наши братья меньшие в городе – отдельная тема.

Константин Лидин Сейчас мы ведем проект «Помощник дизайнера интерьеров»; часть функций хотели перепоручить компьютерам. Опираемся на идеи функционального зонирования, которые были предложены конструктивистами. Выделяется как минимум два принципа, которые в интерьерах хотя бы изредка соблюдаются, а в городе нет. Первый принцип: не должно быть зон, не нагруженных никакими функциями. Как только между функциональными зонами образуется промежуток, он тут же превращается в помойку. Это как внутри дома, так и снаружи. Угол, в котором ничего не происходит, зарастает бессмысленным бараклом, грязью, пылью, паутиной. То же самое происходит в городе: площадки, на которых не происходят события, часто превращаются в импровизированные помойки. И сколько ни призывай, с этим сделать ничего нельзя. Там ничего нет, поэтому каждый эти призывы воспринимает как не относящиеся к себе.

Второй принцип, который имело бы смысл перенести на практику функционирования города, – зоны внутри дома делятся на личные и представительские. В личной зоне должно быть комфортно именно тому человеку, который там проживает. Есть дизайн, и он должен быть под него прогнут: индивидуальная стилистика, размеры и т. д. Представительские зоны должны демонстрировать единство людей, живущих в этом пространстве. В семье такой представительской зоной является гостиная, в которой принимают гостей. Соответственно, там есть свои приемы, которые показывают общность этой семьи. Это общее необходимо найти и в виде образа, заложить в представительскую зону. У нас городе с этим тоже беда, потому что представительская зона формирует не общее: кто вожжи в руки захватил – тот и формирует эту зону. Например, площадка перед зданием областной администрации сформирована чиновниками этого же дома. Она абсолютно лишена того, что называют «иркутскостью»: это сухая деловитая площадка. Но ведь это центр города... Как же так? Иногда ее удается сформировать под концерт Мацуе-

Interior of the City PB Discussion Club

ва, но тогда принимают специальные меры. Это направление, которое не осознается как руководство к действию, а должно было бы. В идеологии «Иркутских кварталов» на интуитивном уровне это просачивается. Пока пустых углов там не предусматривается: это дорогая земля, она не может быть ничейной, ее обязательно кто-нибудь прихватит. Но зонирования по принадлежности я так и не увидел. Какие социальные слои будут выражаться в этой зоне, каким образом их друг от друга отделять и каким образом они будут соседствовать? Потому что есть социальные слои, которые не надо сводить в прямой контакт. Например, на улице Марата в начале 90-х годов оказались два соседствующих деревянных дома, в одном из которых был армянский культурный центр, а в другом – азербайджанский. Закончилось тем, что в армянский культурный центр в окно бросили гранату. Я при этом присутствовал. Скорее всего, это была акция устрашения, но она была. Город у нас многонациональный...

ЕГ В «Иркутских кварталах» этот аспект налицо: там мечеть, и к мечети тяготеет мусульманское сообщество. Все праздники в мечети очень многочисленные; понятно, что пространство вокруг будет находиться под влиянием всего этого. Мы обсуждаем с социологами, как это совмещать, но, несмотря на все большую важность вопроса для нашей страны, мы не видим никакого обобщающего, научного подхода, рекомендаций, предостережений, примеров. В своих лекциях мне приходится приводить в пример копенгагенский район Суперкилен, где 60 разных населяющих его народностей сделали бульвар, и каждый внес в него свою лепту в виде скамеек, фонарей и т. п. И все вместе они стали бережно относиться к этому новому общественному пространству, потому что все участвовали в его создании.

КЛ Есть множество сообществ, которые представлены в Иркутске. Какие из них способны мирно сосуществовать с мусульманами? Это же все можно просчитать.

ЕГ Я думаю, что наша цель, чтобы все сосуществовали...

КЛ Это невозможно – это очень опасная утопия. Можно делать вид, что все мы толерантные. Но на самом деле может получиться прямая провокация, если ветеранов

афганской войны разместить рядом с мусульманским анклавом.

АЧ Когда-то давно был случай: в усадьбе по ул. Байкальской, на исторической территории сошлись армянская диаспора и старообрядцы. Старообрядческий священник предлагал выкупить территорию у частных и построить молельный дом. И в это время землю выкупили армяне и построили церковь; это напротив Иерусалимского кладбища. Этот прецедент очень нехороший.

ЕГ Тем не менее, Иркутск всегда будет многоконфессиональным городом: именно вокруг территории, над которой мы сейчас работаем (проект «Иркутские кварталы» – ред.), расположены два крупнейших православных храма (Крестовоздвиженский и Входеоерусалимский), мечеть, армянская церковь; сейчас в серединную верхнюю часть заходит дацан, немного в стороне синагога – это модель многоконфессионального, исторически традиционного Иркутска.

АЧ И католический костел в самом центре. Костел не во всех крупных городах разрешали строить в центре, а у нас в Иркутске это чуть ли не единственный случай, когда костел построили рядом с самыми первыми православными храмами.

ЕГ В истории сложно было всегда? Разве не было мирного сосуществования между конфессиями многонационального Иркутска?

АЧ У нас была некая отстраненность друг от друга, потому что у мусульман все по-другому. Им предлагали на Иерусалимском кладбище выделить участок для захоронений – все одобрили, все согласились, а они сами отказались и сделали обособленно, в Лисихе, уже второе кладбище.

Марина Ткачева Если продолжать сравнение с домом, то эта ситуация похожа на жизнь в коммунальной квартире. Кроме того, намечаются точки притяжения – это храмы. Так ли это?

Виталий Барышников Несколько тезисов хочу проговорить. Во-первых, по поводу «Иркутских кварталов». В субботу и воскресенье состоялась деловая игра. Участники пытались смоделировать несколько самых

крупных групп горожан, которым это пространство может быть интересно, их реакции, и что надо делать, чтобы оно перестало быть интересным для определенных социальных групп, которые там не нужны. Приводили в пример московский Парк Горького. Там был вход 100 рублей, в 11 часов вечера ворота закрывались, и некоторые национальные диаспоры в закрытом режиме тусовались. Сергей Капков начал думать об омовцах для контроля, но стало понятно, что это невозможно. В итоге парк открыли, плату отменили, сделали освещение, все деревья обрезали так, чтобы был обзор – это сразу повысило безопасность. Завели туда WI-FI. В итоге публика поменялась за один сезон: нежелательные группы сами уходили оттуда без всяких омовцев. Именно такую ситуацию пытались смоделировать в иркутской игре. Условно говоря: сделать, чтобы нежелательным группам в этом пространстве было неинтересно, выдавить их не силовым способом, а формированием общественного пространства. В этой игре участвовало очень много знакомых и незнакомых людей, в том числе молодые предприниматели, которые хотят в Иркутских кварталах в перспективе что-то реализовать. А площадь Сперанского больше всего похожа на стандартную мебелировку главной региональной приемной. Мы недавно говорили с ректором, его идея, на мой взгляд, здравая: почему не открыть главный вход в университетское здание с площади, среди шикарных колонн? А мы до сих пор ходим с бокового входа. Понятно, что это требует смены психологии.

АЧ С деревенской на городскую...

ВБ Надо открыть этот центральный вход, который давно не воспринимается как вход. По сравнению с тем пространством, к которому мы привыкли, можно считать, что там нет вестибюля. У нас есть уникальный пример музея на свалке, когда на полигоне бытовых отходов силами увлеченных работников построили экспонаты-рыцарей: скульптуры из металлических деталей, найденных на свалке. Недавно на конкурсе красоты «Мисс ИРНИТУ» организаторы договорились со спецавтохозяйством и ператашили этих двух рыцарей, конника и пешего.

Возникающая сейчас тема – исторический центр Иркутска, место Иркутского острога. Вопрос: надо ли реконструировать площадь у Вечного огня? Реконструировать – значит, добавить новые смыслы, которые будут реализоваться в новых объектах. Есть ли необходимость размыывать смысл, который туда заложили основатели 40 лет назад, в 1975 году, открыв это пространство как пространство памяти павших в годы Великой Отечественной войны? После добавили дополнительные функции и памятники: памятник Петру и Февронии, А. Белобородову, памятник погибшим казакам (абсолютная самоволка!). С одной стороны, это духовный центр (Спасская церковь, крипта, освященная патриархом). Памятник первопроходцам – основателям города, тут же памятник павшим воинам...

ЕГ И выстраивается очередь желающих еще что-то возвести...

МТ При этом ставят такое, к чему и не подступишься. Какое уж тут культурное пространство!

ВБ Стала модна тема памятников, что меня очень беспокоит: зачастую они, во-первых, не очень высокого художественного исполнения, а во-вторых, идеология не до конца продумана самими авторами. Должна быть цель: украшать и разворачивать тему в пространство города.

ЕГ Инициаторы будущих памятников не задумываются над тем, где их ставить с точки зрения смысла, а просто стремятся поставить в наиболее людное и наиболее благоустроенное место: Набережная, Вечный огонь, 130-й квартал.

ВБ Они стремятся сесть на трафик, на людской поток. Притом они не задумываются, что этот людской трафик можно формировать и разворачивать. Они мыслят очень локально – узким сектором. Хотя пример 130-го квартала совершенно положительный.

ЕГ Следует все же развивать город, обогащать, а не паразитировать на уже существующих гармонизированных пространствах.

ВБ Все-таки меня интересует тема площади у Вечного огня: нужно ли наполнять ее новыми смыслами, вводя туда какие-то новые истории? Разные мнения, наверное, будут на этот счет. Обсуждалась эта тема в рамках архитектурно-художественной секции градсовета. Может быть, ввести какой-то мораторий на установку памятников в центре города до разработки цельной концепции монументального оформления города? Она была сделана, в свое время ее утвердили и отменили впоследствии; сейчас ее нет. Но есть основа, есть утвержденный еще к 340-летию города список; его можно было восстановить. Памятники – это ведь как украшение интерьеров и придание нового смысла месту.

ЕГ Вот история, связанная с увековечением памяти Леонида Гайдая, детство и юность которого прошли, как известно, в Иркутске. В свое время В. Смагиным, А. Картопольцевым и В. Кимом по заказу городской администрации была создана программа «Монументально-декоративное оформление г. Иркутска». В то время мы работали над кварталами жилой застройки в районе улиц Железнодорожных и Маяковского, и осью этой застройки должен был стать пешеходный бульвар. Поскольку на улице Касьянова сохранился дом, где прошло детство Гайдая мы, совместно с кинематографистами, предложили безымянный пешеходный бульвар назвать его именем и установить на стартовой высокой точке скульптуру великого советского режиссера, а по рельефу ниже – его героев. Наше предложение было принято, и название «Бульвар Гайдая» вошло в текст программы «Монументально-декоративное оформление г. Иркутска». К юбилею режиссера, как всегда в спешке, памятник начался примерять на более благоустроенные на тот момент площадки, в том числе возле лица на Маяковского (место учебы юбиляра). И все-таки в конце концов многофигурную композицию «Леонид Гайдай и трио Трус, Балбес и Бывалый» поставили в самом центре города, возле цирка. Смысловая аналогия напрашивается только одна: Никулин – клоун, поэтому возле цирка.

Надо искать площадки для такого рода объектов, руководствуясь смыслом, историей, уместностью. Тогда памятник будет импульсом к преобразованию среды вокруг него.

Что касается Вечного огня. Мемориальный комплекс защищен статусом памятника. У меня твердое убеждение, что тема эта – серьезная и трагическая – не терпит вмешательства. Мы все помним крайне неудачный проект, когда вокруг Вечного огня предлагалось несколько памятников, связанных с войной, посвященных различным родам войск и событиям. Один из членов комиссии по топонимике тогда заметил, что это напоминает ему фонтан на ВДНХ.

Третья тема – это украшение города к празднику. Типовые трехнефные арочки, которые выставляют по праздникам в Москве возле Ю. Долгорукого, на Манежной площади, против Храма Христа Спасителя, выглядят довольно картонно и явно портят своим возникновением место, ансамбль, улицу. А если попытаться посмотреть поглубже? Например, Пушкинская площадь. Здесь стоял Страстной монастырь, и вот на церковный праздник возникает вдруг светодиодный силуэт, который показывает фрагмент монастыря, не закрывая памятника Пушки-

ну – как воспоминание о том, что было на этом месте. Если применить этот подход к любимому Иркутску – это может быть воспоминание о Благовещенском соборе на ул. Карла Маркса или Успенской церкви на площади Декабристов. Можно восстановить контур или одну какую-то главку ... И о Тихвинской церкви тоже может быть воспоминание, которое возникает на Новый год и на Рождество и исполнено в светодиодах. Оно может потом исчезать, а может быть, когда-нибудь оно во что-то воплотится. Отношение города к празднику – это не только шары и флажки, а что-то связанное с историей города, реализованное в новых силуэтных и проекционных технологиях.

ММ Ты абсолютно права. Сейчас в сфере городского дизайна выработано огромное количество способов кратковременного формирования облика среды, ее символизации, воплощения метафорического содержания. Ч. Дженкс называл этот феномен «Загадочным означающим»: когда с помощью визуальных эффектов, компьютерных технологий создаются кратковременные (или продолжительные) изображения. Их не существует в материальном мире. Изображения создаются цветом, светом, паром, воздушными струями и проч. Они пронизываемы; столкнувшись с ними, нельзя набить шишку... Но они осмысленны и эмоционально наполнены, потому что вызывают в человеке сильные эмоциональные переживания, основанные на конфликтующем столкновении двух состояний психики: «восприятия» и «осмысления»: ситуативное восприятие человека «подсказывает» ему то, с чем не соглашается его ум, поскольку человек понимает, что материальный мир устроен по совершенно иным законам, чем то, что он видит. Эти приемы виртуальной реальности практически никак не используются в городском интерьере Иркутска

АЧ Интерьер в центре современного города – только фрагмент конфликта. Если анализировать, как формировался интерьер русского обычного города по тем правилам, которые были узаконены при царе, то он формировался очень жестко: прямолинейный, конкретный. Улицы, кварталы пересекаются на усадьбы, и в усадьбе тоже свой интерьер. За полвека жизни города при большевиках произошел сбой преемственности в понимании

исторического города. Архитекторы стали обучаться по совершенно иным программам, они изобретали не зарегулированные, а раскрытые пространства. Таким образом в Иркутске появились, я считаю, очень хорошие пространства – микрорайоны. К сожалению, менталитет советского проектировщика наложился и на исторические города. Их просто разбомбили, не зная законов развития исторической застройки. Иркутск – один из тех городов, который смог удержать поток новых технологий в формировании нового интерьера, и поэтому сегодня у нас сохранились деревянные кварталы. Протестное движение интеллигенции в свое время, именно оно как раз удержало разрушение исторического центра.

ЕГ Протест возник в 80-е годы. А Иркутск спасло содружество трех личностей: Н. Салацкий, В. Бух и В. Павлов. Бух и Павлов преследовали свою цель: не пустить в центр города панельное домостроение, а строить исключительно по индивидуальным проектам. Что и случилось, когда был для этого повод: Музыкальный театр, ЦНТИ, Радиодом, Дом на ногах. Поводы для индивидуального проектирования были редко. Деревянные кварталы Иркутска не заместились панельными. Я упоминаю Салацкого, потому что при другом мэре, который не доверял бы профессионалам, этого могло не и случиться. А Салацкий пишет об этом в своих воспоминаниях примерно так: «Я в этом ничего не понимаю, но я доверился мастеру». В этом Салацкий – пример для других градоначальников.

КЛ Я с интересом выслушал мнения, и у меня складывается впечатление, что интерьер города отстает от интерьера жилья лет на 100. Идеология, что в доме живет мебель и мы ее украсим фарфоровыми пастушками – это же некая барочная идеология, XIX век! Открытия конструктивистов, стиль лофт... ведь важно не то, что стоит, а что люди делают в этом месте? Что люди будут делать с этими памятниками – поклоняться?

ММ А вы способны помыслить активное использование архитектурного памятника, при условии обязательного сохранения его исторического облика, а если требуется, то и интерьера? Если «да», то в чем ваш вопрос?

ЕГ Когда мы рисуем 130-й, «Иркутские кварталы», другие площадки, мы в первую очередь говорим про

функцию, про участников, про персонажей, а не про декорации. Иначе это работать не будет.

КЛ У меня такое впечатление создалось, что мы абсолютно забыли про людей; начали говорить о памятниках, зданиях – о том, что будет стоять на этом месте, а не о том, кто и как тут будет жить.

ВБ Ставить памятники кому попало – это все равно, что тащить в дом все, что угодно: появляется модная штука, вот и ставим в дом все, что хочется. Этой моде надо противопоставить обдуманное видение того, как город должен развиваться в отношении декоративного оформления. Следующий этап для написания этой концепции – выйти на серьезнейшую работу; не просто на культурную политику, а рассмотреть весь город как культурный феномен. Это мощнейшее исследование; оно должно выявить те самые культурные коды, гения места, мифы городских пространств, места памяти, которые могут трансформироваться в символы в виде городских скульптур или в другую историю. Возможно, это будет световое оформление пространства, ландшафт. И только после этого данная концепция может родиться. А отталкиваться здесь мы должны не от типовых форм. Эта тема обсуждалась и с городскими властями, и с городским сообществом на форуме городских сообществ. На большой встрече с работниками культуры мы говорили о том, что нам необходимо поговорить о городе как пространстве культуры. Что в городе хотим сохранить, что боимся потерять? Следующие вопросы: что появилось за последние 15 лет в Иркутске и что из этого нравится? Что боимся потерять? Куда мы поведем гостей, которые к нам приедут? В чем заключаются иркутскость и иркутянство? Питер, который Ленинград, за XX век дважды потерял фактически большую часть своего населения – носителей этой культуры. При этом восполненное население быстро стало ленинградцами, и приехавшие после войны стали ленинградцами. Кто такой петербуржец? И тут выстраивается параллель: а кто такой иркутянин?

ЕГ Убеждена, что питерская архитектура, набережные, ансамбли имеют большое влияние на перековывание людей в некое подобие сообщества.

ВБ Я общался с известным продюсером, автором многих культурных проектов Эдуардом Бояковым. Он рассказал о проекте, который они делали для Воронежа в 2013 году – «Воронежский импульс». Они сделали глубочайший анализ и начали с конструирования смыслов; сделали комплексный анализ культурной среды, в котором участвовали архитекторы, культурологи, охранники памятников, представители властей. Если сравнивать со 130-м кварталом, то в иркутской истории главной задачей была реновация архитектурной среды. В Воронеже они апробировали комплексный анализ; сейчас как раз завершили концепцию по заказу Крыма – «Коктебель», начинают работу по Екатеринбург. Мне показалось, что, хоть это и дорого, в таком подходе есть смысл. Мы сейчас делаем в рамках формирования новых общественных пространств нечто подобное: насыщение их местными смыслами, легендами, мифами и гением места. Команда Боякова попыталась создать карту реально существующих культурных смыслов города: сначала анализ, потом проектирование. Как я понимаю, по концепции «Коктебеля» они работали, начиная с личности Волошина; потом его дом, потом дом творчества, потом могила. Далее они смотрят на это место как на пространство, в котором столкнулись впервые греческая, мусульманская и православная культуры. Следующим этапом идет проектирование, конкретное зонирование территории. Комов – постоянный сотрудник этой команды; он отметил в 130-м квартале огромное количество надписей на иностранных языках. Я ему попытался проговорить, что изначально пытались сделать посредством регламентов.

ЕГ Регламенты утверждены, в прошлом году были утверждены строжайшие ПЗЗ, сейчас городской администрации следует напомнить собственникам об этом и проводить последовательную градостроительную политику, не позволяя нарушать ПЗЗ. В прошлом году политика была такая: собственники и арендаторы дорабатывают летний сезон со своими сооружениями, а по его окончании приведут в соответствие с Правилами зелень, рекламу и все остальное, строго прописанное.

ВБ Я даже не знал, что они утверждены.

КЛ Там огромное количество противопожарных норм, которые были нарушены времянками.

АЧ Это как раз соответствует требованиям: в законе рассматриваются противопожарные расстояния только между капитальными строениями, а те строения – временные.

А правильно ли я понимаю, что метод команды Боякова похож на опорный план по поиску культурного кода города, места?

ВБ По сути, он капитализировал идею культурного кода в творческую программу.

ЕГ Сделал ее товаром...

ВБ Мне кажется, что это правильный подход. Другое дело, что у нас стерильно-экспериментальных условий не было и не будет никогда. Поэтому вряд ли стоит ждать, что завтра вдруг в кристальном виде проявится политическая воля, появятся инвесторы. Мы все равно живем в предлагаемых обстоятельствах. Елена Ивановна, вы сказали, что люди сформировали такое пространство, в котором сами стали там чуть культурней, а у нас ведь ситуация другая. Можно, как Петр I сделал с Петербургом. И поскольку это столица, поскольку это присмотр первого лица государства на протяжении трех столетий, сформировалась определенная культура: люди, попадая туда, встраиваются в эту культуру, принимают. А есть и другая история, когда люди – вчерашние крестьяне – делают город крестьянской усадьбой. В этом смысле каждый народ заслуживает то правительство, которое имеет. Точно так же можно сказать и про город: каждый житель города заслуживает тот город, который имеет. Ведь они его и формируют: нет потребности в этой функции – она и не возникнет.

КЛ Возражаю. Набор функций в городе такой же, как и в интерьере – 6 основных функций и их вариации. Вопрос не в том, какие функции, а в том, как и каким образом эти функции реализуются? А тут среда города очень сильно влияет на процесс функционирования. Соответственно, через среду мы можем воздействовать на поведение людей, а не ждать, пока люди своим поведением начнут воздействовать на среду. Раз мы заняли места интеллектуалов, это наша функция – влиять на поведение людей через форму, ритмику, параметры городской среды. Каким образом проявляется функция общественного питания? Она привязана к материалу дома. Деревянный дом впитывает запахи, пропитывается ими. Если в деревянном доме какая-то едальня, то мы должны с этим сообразовываться: этот дом быстро напитается запахами определенной еды, и эта атмосфера потом будет влиять, в том числе, на поведение людей.

ВБ Я считаю, что Иркутск – абсолютно не пролетарский город. В него не вкладывали ресурсы, он был город-изгой. Деньги шли в регион, там нужны были новые производства и полезные ископаемые: Братск, Усть-Илимск, Шелехов... И это во многом сохранило Иркутск, при всем том, что, наверное, роль архитектора и градоначала тоже была немаловажной. Иркутск тоже стремились погрузить в пролетарскую среду, сделать его более социально близким. Поэтому изживали разными спосо-

бами интеллигенцию. У нас есть блестящие врачебные династии еще с XIX века, потому что врачи нужны при любом строе. С художниками, писателями, театром, которые формируют наше сообщество, уже не так все однозначно. Но все-таки появились заводы, появились столовки. До сих пор все с какой-то ностальгией вспоминают пельменю на улице К. Маркса.

ЕГ Это наша студенческая юность. Мы все ездили в пельменную, баньку, «Снежинку». «Невидимый Иркутск»: объекты исчезли, но они существуют в нашем сознании. Памятник Александру III возрожден, но было и другое, и мы помним, какой шум был по поводу сноса Обелиска. Есть Иркутск, который мы помним по рассказам наших родителей. Конверсия Харлампиевской церкви, которая в свое время была общежитием. Мама, переехав в Иркутск, показывала мне, где и какие там были комнаты и лестницы. Потом там размещался журнальный фонд университетской библиотеки. Про эту конверсию никто не написал в прошлый наш номер, а стоило бы.

КЛ Ведь вспоминают, каким образом питались в столовой, а не какая лепнина и какие шторы там висели. Не предметы вспоминают, вспоминают образ действий, он совсем другой.

ВБ Быт формирует сознание или сознание быт? Константин Львович говорит, что люди интеллектуального труда формируют сознание, которое должно изменить наш быт. А я говорю о том, что быт формировал.

КЛ Так мы на этот быт и можем повлиять, а через него повлиять на сознание. А мы сами должны быть самостоятельными. Мы эти смыслы порождаем.

ВБ Я бы попросил еще раз акцентировать внимание на следующих вопросах. Памятники – это, на мой взгляд, предмет интереса...

МТ Это похоже на украшение квартиры мелкой пластикой, этакими фарфоровыми слониками и пастушками.

ЕГ Портреты предков на стене – это тоже памятники.

КЛ А вот портреты на стене – это не фарфоровые слоники. Это совсем другое дело. Чем отличается портрет предка от фарфоровой пастушки? Модна сейчас поведенческая экономика, экспериментальная психология, которая финансируется за счет того, что она выходит на экономику. В результате там очень серьезные успехи. Американско-израильский психолог Ариэли проводил эксперимент, позволяющий количественно измерить склонность людей к вранью. Самый мощный эффект, который снизил у них уровень вранья, это когда люди приходили и им говорили: мол, этот эксперимент находится в полном соответствии с моральным кодексом вашего ВУЗа. А на самом деле никакого морального кодекса в этом ВУЗе не было. Или еще мощный эффект – перед началом эксперимента вспомнить 10 заповедей. Вспомнить их никто так и не смог, но само предложение вспомнить 10 заповедей снижает уровень вранья. Точно так же наличие портретов предков само по себе влияет на человека, будит его совесть. Ему напоминает, что он в черед предков, что он не сам по себе, а что на него смотрят эти предки. Памятники нужны для того, чтобы влиять на поведение: не просто их натывать, а понять, как люди будут рядом с этим памятником менять свое поведение. Мы влияем на поведение людей тем, каким образом мы организуем городской интерьер. Об этом и надо думать: какое хотим поведение сформировать и какими средствами мы можем на это повлиять?

ЕГ Какие из наших памятников реально влияют на поведение? Понятно, что, когда возникает памятник, особенно в новом месте, среда меняется, изменяется поведение, начинает поддерживаться порядок, создаются новые маршруты, потоки. Понятно, если бы появился

памятник Гайдаю на вышеупомянутой площадке, которая сформирована застройкой и является началом пешеходного бульвара, то там сразу бы возникло новое культовое место и свои ритуалы.

КЛ Есть методы, которые позволяют эти эффекты количественно измерить. Только вместо них часто видишь какие-то подделки. Вот, например, этой зимой разрабатывался туристический бренд Иркутска. Работала московско-английская команда, использовался метод ключевых слов. Это не количественный метод: в лучшем случае полуколичественный. В результате у них получился совершенно «блистательный» результат. Концепция иркутскости заключается в том, что Иркутск похож на летающего электрического мальчика. И что теперь с этим делать?.

ВБ Я согласен. Надо думать не только о том, куда воткнуть что-то красивенькое, потому, что есть пустое пространство, но и о том, что это будет давать пространству и людям, которые там живут.

КЛ Как изменится поведение людей.

ВБ Во-первых. Крупный специалист по русскому военному костюму говорил мне, откуда появилось огромное количество портретов неизвестных офицеров. В усадьбах они не подписывались, а передавались детям: «Это твой дед, служил там, делал то-то...». Подписывать и не надо было. А когда в революцию имения были разграблены, портреты попали в провинциальные музеи, потом ушли в центральные музеи, а из центральных были распределены по разнарядке. Сколько Фатьянов привез к нам неизвестных портретов, авторов которых мы не знаем! Они с тех самых времен хранятся в запасниках. Мы только три года назад развернули огромное полотно Г. Горелова, лауреата Сталинской премии, «Псов-рыцарей ведут во Псков». Оно хранилось 70 лет – его открыли отреставрировали, подарили городу. Во-вторых, что касается презентации туристического бренда города. Город потратил на концепцию бренда деньги, а публичную презентацию никто не сделал. Поэтому сейчас мы планируем эту публичную презентацию в конце марта, условно с 19-27 марта на площадке общественной палаты. Мы хотим, чтобы там были не только 20 членов Общественной палаты, но и те, кто участвовал в разработке, и культурное сообщество. Любой бренд брендом не является, пока он просто лежит на полочке. Мы предложим, посмотрим на реакцию. Что-то кто-то, возможно, возьмет из этого в практику своего бизнеса – возможно, он заживет. У меня сложилось впечатление, что авторы разработки бренда, делая работу, пытались угадать желание заказчика.

КЛ Я вижу пороки методологии. Она не даст количественного результата. Ничего нельзя будет проверить и доказать. Любой наляпает красное на зеленом, и скажет, что это в рамках концепции. И вы не сможете доказать, что это мимо концепции. В суде все будет на личном мнении – «Я так вижу».

В рамках этой методологии нет выхода – она вообще для этого не предназначена. Есть количественная методология, дающая объективные результаты. Они существуют, используются где-то – но не у нас.

ВБ Сегодня наша площадка – одна из немногих постоянно действующих, на которых идет дискуссия на эту тему. У нас в обществе уже давно дефицит таких дискуссий, потому что мы возвращаемся к «разговору на кухне». Поясню. Мы говорим о том, что у нас одни слова для улиц, другие для кухонь. Мы перестали дискутировать на эту тему в городском обществе. Мы дискутируем по локальным задачам, не столько мировоззренческим, сколько оперативным, тактическим. Нужны скверы – давайте про скверы и т. п. Дискуссии на тему, что такое иркутскость, у нас нет. Что должно быть в первую очередь – группа

ученых, которые начнут исследовать по заказу и потом выдадут продукт, который приведет к тому же, к чему придет концепция, сделанная на грантовые деньги. Мое мнение, что это будет продукт, положенный на полку и не используемый никем. Или мы это будем делать сами параллельно с некой общественной дискуссией творческих людей, то есть людей интеллектуального труда, которых в Иркутске достаточно много.

ЕГ Задушевные разговоры в огромных компаниях мало возможны.

ВБ Они превращаются в неструктурированные

ЕГ Когда Константин Львович говорил о функциях города, не упомянул жилье. Проблема деревянного наследия в том, что только единицам удобно жить в деревянных домах. Интересно, что во время предвыборных дебатов с четко обозначенной темой «Культура и памятники» ни один из представителей кандидатов в президенты не затронул тему деревянного наследия. Почему? Потому что их задача – электорат себе обеспечить. А сказавший, что деревянные памятники – это наше все, рискует потерять голоса тех, кто вынужденно живет в неблагоустроенных памятниках. Это проблема: большинство деревянных домов заселено людьми, которые недовольны своим образом жизни, уровнем своего комфорта. Мы уже давно не делим дома на статусные (имеющие статус ОКН) и не статусные, нам дороги массивы деревянной застройки. Это важно: нелюбовь жителей это опасность для Иркутска деревянного не меньшая, чем угроза зачистки центра со стороны мощного строительного лобби.

ВБ Люди недовольны потому, что это не только дисконфортно, но и не модно?

КЛ В том то и дело: для них деревянный – значит, старый.

ЕГ По моему, им просто неудобно: у них нет воды, нет канализации, нет денег на ремонт.

АЧ Там еще сработала инерция 20–30 гг., когда произошло переселение. Ценностью было хрущевское переселение в отдельные квартиры.

ВБ Но при этом у многих есть совершенно замечательные загородные дома.

КЛ Все таки мысль остается, что деревянный – это старый, устарелый, ветхий.

ВБ Абсолютно верно. Люди стареют – дома стареют. Дома постарели, там стало некомфортно. Я говорил в невышедшем интервью на ОРТ о том, что один из результатов реализации проекта 130-го квартала – изменение отношения к деревянному зодчеству. Что оно может быть современным, модным, жутко востребованным, приносящим прибыль даже в глазах иркутян, которые еще 10 лет назад говорили: «Ой, давайте это все под снос».

ММ Реализация проекта 130-го квартала кардинально изменила сознания обывателя. Люди увидели, ощутили, потрогали и убедились в том, о чем иркутская интеллигенция твердила все годы до этого – отреставрированное, благоустроенное, возрожденное деревянное домостроение, с любовью и ответственно сохраненным специфическим иркутским декором – предмет идентичности города, предмет исторической памяти...

И не крупный бизнес понял: вкладывать деньги в реставрацию деревянных домов выгодно. Значительно выгоднее, чем сносить и строить на этом месте что-либо современнее.

ЕГ Векторы работы с деревянным наследием, которые были перечислены в начале сегодняшнего вечера («АРПИ», «Иркутские кварталы», деятельность Д. Разумова) – все возникли как следствие опыта 130-го квартала.

ВБ Да. Мы, может быть, тогда даже не понимали и не прогнозировали этот результат. Но он есть реально. Возник он не так давно, как поиск ответа на поставленные вопросы...

ЕГ Причем именно на то, что нам не удалось сделать. Нас не устраивало качество реставрации, реконструкции, которыми занимался собственник. Появилось «АРПИ» как способ сделать так, чтобы занимались реставрацией профессионалы, а собственник на процесс не влиял и получил неискаженный результат. Правда, не все там сейчас хорошо. Другой вектор – нам не удалось сохранить в 130 квартале жилье. Скажем, мы предлагали владельцам ресторана: «А давайте у вас на втором этаже будет квартира повара». На что нам они отвечали отказом. Тут Д. Разумов появляется и продвигает жилую функцию для состоятельных людей, стремится к тому, чтобы это стало модным. Чем дальше от 130-го, тем больше видишь результатов.

КЛ Мне этой зимой пришло письмо из Софии, Болгарии. Спрашивали, кто может проконсультировать в Иркутске по деревянному домостроению. Сейчас там это очень востребовано. Иркутск там позиционируется, без нашего непосредственного участия, как центр деревянного домостроения. Сохранение памятников там не фигурирует. Они как раз хотят строить современные дома из дерева – это выгодно, это экологично, это экономично.

ЕГ В Хомутово большое количество деревянных домов из бруса – стихийная народная застройка; правда, они там зашивают фасады всем подряд.

КЛ Это тенденция, которая идет снизу, и идет очень мощно. Восточная Европа уже сильно увлечена деревянным строительством.

ЕГ Когда мы делали номер «Зелено», мы говорили о том, что дерево с экологической точки зрения – самое прогрессивное.

КЛ Цемент в Европу надо возить из Германии и из Китая. А дерево растет; Восточная Европа не облысела еще. Цемента своего у них никогда не было. Это же очень энергоемкое производство, а электроэнергия столько стоит, что там этот цемент получится золотой. Там никогда не было производства строительных материалов, и сейчас нет. И у нашего города есть прекрасный шанс позиционироваться таким передним краем прогресса. Деревянный дом – памятник? Нет, это не памятник – это из будущего. а не из прошлого. А памятник нужен для того, чтобы вспомнить, как нужно строить сегодня и завтра.

ММ Одно другому вовсе не противоречит. Для Иркутска одинаково перспективными являются и память о прошлом, и мысли о будущем деревянного жилищного строительства. Одинаково важными оказываются вопросы: как сохранить деревянное наследие и каким образом разворачивать современное деревянное строительство, выражающее дух места, сибирскую ментальность, уникальность образа жизни, толерантность и гостеприимство. При этом оно еще и недорогое – доступное не слишком состоятельному потребителю.

ВБ В традиционном сибирском доме заключены все энергосберегающие эффекты, о которых мы начали много говорить: в русском деревянном доме зимой не холодно, летом не жарко. Он экологичный. Вопрос в том, как это сделать модным.

ЕГ Это уже и без нас модно. Никакой тебе арматуры с магнитными полями... Но нормы у нас отстают. Из дерева строят только то, что не надо проводить через экспертизу – два уровня, с небольшой площадью, потому что экспертизу с многоэтажным деревом не пройдешь. Однако нормативы эти разрабатывают и обещают в самом ближайшем будущем. Так что есть повод для оптимизма...